

ПОНИМАТЬ ИСКУССТВО МОГУТ И ДОЛЖНЫ ВСЕ

О ВЛАДЕНИЕ сокровищами духовной культуры, участие в развитии культуры у нас в стране — не только право, но и высокая моральная обязанность каждого человека. Трудно сказать, идет ли музыка впереди других родов искусств, но и она, конечно, занимает ныне далеко не последнее место в нашей жизни. Такое убеждение выросло и укрепилось во мне во время многих поездок по стране, и особенно во время последней недавней поездки в Кузбасс и на Алтай вместе с Д. Б. Кабалевским. Мы побывали в Новосибирске, Кемерове, Юрге, Прокопьевске, Барнауле. С нами вместе выступали новосибирский симфонический оркестр и солисты — лауреат конкурса имени Чайковского В. Пикайзен и лауреат конкурса имени Венявского Роза Файн.

Еще можно нередко услышать мнение, что симфоническая музыка сложна для восприятия широкого слушателя. Между тем огромный интерес к нашим гастрольным концертам, полные залы свидетельствовали о другом. Чуткое внимание, каким награждали нас шахтеры, металлурги, студенты, говорило яснее слов о том, что этот слушатель вполне «дорос» до серьезной музыки. И требует он этой музыки значительно больше, чем предоставляют ему наши концертные организации на сегодняшний день. Во время поездки мы много беседовали с молодежью. Это были те же шахтеры, металлурги, журналисты, техническая интеллигенция. Вопросы задавали разные: почему так мало широкопопулярных советских опер? Каковы музыкальные течения на Западе? Что такое легкая музыка? В одной из маленьких шахтерских газет я видел статью Д. Шостаковича, перепечатанную из центральной прессы. В городах Кузбасса мы бывали в отличных детских музыкальных школах. Любовь к музыке, тяга к ней велики; наш долг — сделать их еще более страстной, непрелож-

Арам ХАЧАТУРЯН,
лауреат Ленинской премии

ной духовной потребностью советского человека.

НЕ КАЖДЫЙ может быть художником, повторим мы вслед за выдающимся русским композитором А. Серовым, но знать и понимать искусство могут и должны все. И чтобы знать искусство своего времени, нужно изучить и его историю.

Классическая музыка, как и классическая литература, живопись, — это то, что выкристаллизовывалось веками, самое лучшее, самое драгоценное, что было создано человеческой культурой. Нельзя считать себя образованным человеком, не зная Первого концерта для фортепьяно с оркестром Чайковского или Лунной сонаты Бетховена, не зная того, что сделали Пушкин в литературе, Глинка в музыке. И до Глинки были в России талантливые композиторы: Верстовский, Варламов, Гурилев, но Глинка своим огромным гением сумел все созданное до него обобщить и открыть не только своим современникам, но и потомкам путь в будущее музыки. Чайковский нашел очень точное, образное выражение, сказав, что в симфонической фантазии Глинки «Камаринская», как «дуб в желуде», содержится вся будущая симфоническая музыка русских композиторов.

Русская музыка обладает ярким своеобразием. И вместе с тем наши композиторы всегда относились с чутким вниманием к национальной культуре других народов. Уже среди произведений основателя русской школы — Глинки мы находим «Арагонскую хоту», романсы «Венецианская ночь» и «Песнь Маргариты» (на слова Гете), персидский хор и восточные танцы в опере «Руслан и Людмила». Можно вспомнить «Половецкие пляски» из оперы Бородина «Князь Игорь», «Шахерезаду» Римского-Корсакова. В симфоническом творчестве Чайковского получили гениальное отражение трагические образы Шекспира («Ромео и Джульетта», «Буря», «Гамлет»), Байрона («Манфред»), Данте («Франческа да Римини»). Нет и не может быть музыкальной классики вне национальной культуры.

НО ЕСЛИ классика — это вершина, наиболее полное, совершенное отражение в искусстве именно своей эпохи, то и нынешние, современные композиторы ищут способы выражения в музыке сущности нашего времени. Могутии философский симфонизм Бетховена был подхвачен и глубоко, осмысленно претворен в произведениях Бородина, Чайковского, Глазунова, Рахманинова. Опираясь на классические традиции, продолжая и развивая их, советские композиторы создают шедевры современной музыки. Таковы симфонии Мясковского, Прокофьева, Шостаковича.

Советской музыке свойственно широчайшее многообразие жанров. И в этом многообразии свое законное и очень значительное место занимает песня. Мы богаты талантливыми композиторами этого жанра: Дунаевский, Соловьев-Седой, Александров, Захаров, Блантер, Новиков, Мурадели. И, конечно, нельзя считать случайным тот глубоко волнующий факт, что в списке лауреатов Ленинской премии за 1959 год стоит имя композитора В. Соловьева-Седого, много и плодотворно работающего в жанре песни.

Наша песня звучит всюду: в комнате и в клубе, на концертной эстраде и в поле; ее любовно собирают, изучают энтузиасты из самодеятельности и ученые-фольклористы, обрабатывают советские композиторы. Полузабытые напевы, мелодии далекого района становятся достоянием всех. Любовь к народной песне — это не просто дело музыкального вкуса, это

человеческое качество, это часть нравственного облика человека. Нельзя не любить песню своего народа, как нельзя не любить цветов, природу, небо, воздух. Человек, в котором не живет эта любовь, черств.

Говоря о песнях и танцевальной музыке, будь то народные мелодии или сочинения профессиональных композиторов, хотелось бы коснуться вопроса, который часто возникает, особенно в беседах с молодежью. Можно ли любить наряду с серьезными симфоническими или оперными произведениями музыку легкую? Да, безусловно, можно и нужно. Ведь легкая музыка, если она действительно хороша, без капризов, точно так же доставляет эстетическое удовольствие. Почему же все-таки ее называют «легкой»? Просто потому, что эта музыка не ставит глубоких философских проблем, она светла и легка по характеру.

Понятие «легкой музыки» очень обширно. Сюда входят наряду с обычной песенно-танцевальной музыкой и широко известные мелодии из балетов Чайковского, оперетт. Оффенбаха, Легара, Кальмана, Дунаевского, Милютину и других композиторов.

Бывает и хорошая джазовая музыка. Неправильно протестовать против джаза как определенного состава оркестра или против саксофона как музыкального инструмента. Дело вовсе не в этом. Важно, что играет джаз, и очень важно — как! Активный протест против джаза возникает тогда, когда вместо мелодии и ритма возникают стук, грохот, визг, истерия, иступление. Такой джаз не может нравиться человеку с нормальным эстетическим вкусом. И я глубоко уверен, что любителей такой «легкой музыки» у нас все же немного. Наша эстрада уже кое-что сделала для пропаганды хорошей джазовой музыки, но мы еще недостаточно энергично боремся против пошлости, против всякого рода низкопробных песенок.

Конечно, легкая музыка более доступна для понимания, чем симфония, опера, кантата, оратория. Содержание оперы, кантаты, оратории в свою очередь постичь проще, чем содержание симфонии. Здесь присутствует слово, помогающее понять сюжет, а также мысли и чувства, которые заключены в произведении. Труднее, когда слушатель встречается с чисто инструментальной музыкой: симфонической, камерным инструментальным произведением. Но и здесь часто композитор заглавием, коротким объяснением приходит на помощь, раскрывает свой замысел. Такие названия, как «Ночь на Лысой горе», «Кикимора», вызывают определенные ассоциации. «Шахерезада» воскрешает в памяти Восток «Тысячи и одной ночи», в «Тиле Уленшпигеле» Рихарда Штрауса, «Франческа да Римини» с музыкой связаны не только определенные образы, но и широко известные сюжеты. А в монументальной III (Героической) симфонии Бетховена или XI симфонии Шостаковича в музыке глубоко раскрыты крупнейшие события истории. Программные произведения составляют существенную часть инструментальной музыки, и, как показал опыт, они также находят путь к чуткому, внимательному сердцу слушателя.

ВО ВРЕМЯ многочисленных поездок по стране мне часто приходилось слушать выступления коллективов и солистов художественной самодеятельности. Десять лет я шефствую над

музыкальной самодеятельностью Московского химзавода. И, говоря сегодня о музыке и ее слушателях, я не могу не вспомнить впечатления от этих встреч.

Первое и, пожалуй, самое главное — это огромное развитие, и количественное и качественное, которое за сравнительно недолгое время прошла музыкальная самодеятельность, как, впрочем, и все другие области народного искусства.

Неизмеримо выросла культура исполнения, обогатился репертуар. Если еще совсем недавно в клубах звучали в основном баян и другие народные инструменты, то сейчас все чаще в руках артистов самодеятельности появляются скрипка, виолончель. Да и репертуар стал несравнимо обширнее, разнообразнее. Исполнение на клубной сцене оперных арий, произведений Чайковского, Моцарта стало обычным явлением.

И сегодня очень хотелось бы помечтать о том, может быть, и не столь уж далеком будущем, когда «ножницы» между самодеятельным творчеством и искусством профессиональным если не исчезнут совсем, то значительно уменьшатся.

Занятия музыкой, активное приобщение к ней сделают человека если не отличным исполнителем, то во всяком случае отличным слушателем, что откроет для него множество источников эстетического наслаждения. И это будет огромный рывок к овладению культурой, рывок к многогранному, гармонически развитому человеку будущего, человеку эпохи Коммунизма.

В деле формирования облика человека коммунистического общества музыка должна занять не последнее место. Это раскрылось для меня как-то особенно ясно, почти осязательно на одной встрече с членами бригад коммунистического труда в дни XXI съезда. Это было в Люберцах. Признаюсь, хотя это была отнюдь не первая моя встреча со слушателями, я волновался, особенно когда, придя в клуб, услышал громкие звуки духового оркестра, под который, ожидая начала нашей встречи, танцевала молодежь. Найдут ли эти молодые рабочие в себе желание оторваться от танцев, слушать сосредоточенно, отдаваясь всем сердцем, симфоническую музыку? Оказалось, что мои опасения были напрасны — нашли! Слушатели так, как может только того желать композитор.

И, видя это, я как-то особенно остро почувствовал, что для этих людей общение с искусством, с музыкой стало органической потребностью. То, о чем веками мечтали лучшие люди искусства и о чем думает каждый советский художник — быть близким и нужным своему народу, — в наше время стало прекрасной действительностью.